

УДК 130

Раздина Е. В., Кузнецов А. Ю.

**КОНСЕРВАТИВНАЯ ОЦЕНКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК ТЕНДЕНЦИИ
МИРОВОГО РАЗВИТИЯ В РАБОТЕ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР
«ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ.
СТРАТЕГИИ ДЛЯ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА»**

В статье исследуется динамика политических трансформаций, вызванных современными процессами глобализации в работе М. Тэтчер. Рассмотрены проблемы мировой политической системы в контексте современного дискурса и консервативной теории. Выявлены проблемы формирования современного мирового порядка.

Ключевые слова: глобализация, консерватизм, мировой порядок, мировая политическая система.

У статті досліджено динаміку політичних трансформацій, викликаних сучасними процесами глобалізації в роботі М. Тетчер. Розглянуто проблеми світової політичної системи в контексті сучасного дискурсу й консервативної теорії. Визначено процеси утворення сучасного світового устрою.

Ключові слова: глобалізація, консерватизм, світовий устрій, світова політична система.

In this article we research the dynamics of political transformation caused by modern processes of globalization as M. Thatchcer. We consider the problems of world political system in the context of contemporary discourse and conservative theory. We also identify the building the modern world order processes.

The keywords: globalization, conservatism, world order, world political system.

Творческое наследие М. Тэтчер представляет собой одно из самых ярких проявлений актуальности консервативного течения как одной из основных современных моделей оценки политической действительности в мировой науке. Комплекс идей, присущий консерватизму и востребованный в более поздних его ответвлениях и течениях неоконсервативного образца, разработан в оценках М. Тэтчер новейшей политической действительности, в том числе в ее перспективе и ретроспективе, с максимально творческой точностью и научной обоснованностью. Поле ее исследования необычайно широко (и вместе с тем оправданно системно с точки зрения теоретической консервативной модели) и включает оценки итогов «холодной войны», роль США как сверхдержавы и мирового лидера, европейские и азиатские достижения и ценности, мировые конфликты, роль национального государства и аномалии его современного развития, терроризм, роль религии и права человека. Не обойдены вниманием две основные и порой противоборствующие тенденции мирового развития – глобализация и регионализация. Позиция М. Тэтчер в их оценке всецело концептуально консервативна и в то же время даже несколько эмоциональна, что свойственно подлинно идеологической убежденности, не исключающей принятие иных идей, если действительность диктует их

продуктивность. «К наиболее разумной части противников изменений, иногда ассоциируемых с глобализацией, вполне можно относиться с сочувствием. В конце концов странно, когда социальный раскол или трансформация культуры принимаются добровольно, хотя, конечно, это может быть результатом проявления того, что препятствовать им невозможно, да и не нужно. Большинство из нас, независимо от проводимой политики, несомненно, когда-нибудь чувствовали отвращение к тому или иному проявлению современного мира. В этом смысле любой достаточно цельный и солидный человек является «антиглобалистом», а в особенности тот, кто придерживается консервативных взглядов, привязанный (как говорил Берк) к своему «маленькому клану». Но есть точка, в которой подобные инстинкты начинают толкать нас к планированию или сдерживанию международного распространения капитализма, основанного на свободном предпринимательстве, т.е. точка, в которой на смену консерватизму приходит луддизм» [1, с. 490–491].

Анализ политической действительности М. Тэтчер построен на влиянии на ее развитие этих базовых тенденций, где преобладание глобализации как итог объединения многих векторов мирового развития не является новым, необратимым относительно моделей оценки и их возможного разнообразия и всеобщим [1, с. 490–496]. В ретроспективной части анализа развития процессов глобализации подчеркнута роль технических и технологических факторов, определивших траекторию движения мировой экономики и отразившей данные изменения политики, а также значение империи как модели организации глобализирующегося политического пространства и Британской империи – в частности. «Так или иначе, консерваторов (как противоположность социалистам), обеспокоенных глобализмом, могут утешить две важные истины. Во-первых, в значительной мере глобализация – явление не новое. Глобальные проблемы существовали и раньше – в конце XIX и начале XX века. В действительности доля мировой продукции, продаваемой на глобальных рынках, в наше время ненамного больше, чем была накануне Первой мировой войны. Многие страны уже тогда открыли свои рынки капитала... В конце XIX столетия, точно так же, как и сейчас, причинами экономической глобализации были технические и политические факторы. Транспортные издержки снизились, а время доставки сократилось в результате освоения энергии пара... К концу столетия весь мир был связан телеграфными линиями, что стало началом международной телекоммуникационной революции. В основе этого лежала свободная торговля, двигателем которой с середины XIX столетия была Великобритания, а в более широком смысле – рост европейских колониальных империй, особенно Британской, втягивавшей в глобальную политическую и экономическую сеть в той или иной мере все континенты. Возобновление процесса глобализации в конце XX столетия также обусловлено техническими и политическими факторами, однако роль последних относительно выше... Вторая истина, которую следует помнить тем, кого беспокоят последствия глобализации, заключается в том, что влияние ни в коем случае не всеобщее. Я вовсе не имею в виду самые слаборазвитые страны, где значительная часть населения живет «с земли», занимаясь нетоварным сельскохозяйственным производством. На подавляющую часть экономической деятельности и рабочих мест

даже в самых богатых странах тенденции на глобальных рынках не оказывают прямого воздействия» [1, с. 491–493]. Таким образом, автором не преувеличивается значение экономических факторов развития глобализационных процессов в современном и перспективном состоянии политической действительности. Явившись исходной движущей силой и «локомотивом» международной телекоммуникационной революции, экономическая составляющая глобальных мировых тенденций совершила некий очередной переход количественных изменений в качественные и уступила свое решающее во всех случаях значение более фундаментальным – политическим, как системообразующим и системообразующим, говоря консервативным языком. Будучи последовательным консерватором, М. Тэтчер тем не менее, апеллирует к категории «революция» неоднократно, в исторически оправданном и необходимом контексте, прямо и непосредственно, то есть не только со ссылкой на значимость предпосылок и составляющих процессов и явлений, то есть по содержанию, но и с указанием на форму – даже, как сказано далее, речь может идти о консервативной революции. Насколько можно заметить, именно системная и комплексная оценка процессов глобализации вносит столь существенные коррективы в доктрину консерватизма, исходным образом меняя масштаб и степень происходящих в мировом политическом пространстве изменений практически до их предельных значений и, тем самым, не позволяя абстрагироваться от их значения и характера в исследовании мирового политического процесса либо какого бы то ни было его фрагмента.

Кроме того, отмеченная М. Тэтчер бифуркация развития современного мира, неизбежная по существу на этапе становления тенденций, является новой движущей силой развития процесса в виде нового источника противоречий. В то же время, отмечаемая неоднозначность роли глобализации для развития мирового хозяйства ни в коем случае не сводится к огульной критике капитализма как способа организации хозяйства в значении способа производства и общественно-политического строя. Напротив, капитализм, как любая модель организации общественно-экономической деятельности, может и должен оказаться благом при условии стратегического управления – что объединяет консервативную с неоконсервативной доктрину в наиболее значимой для нее политической части. Проверенный временем капитализм как нельзя лучше отражает ценности традиции и ее экономической продуктивности. Вместе с тем, капиталистическая бифуркация мирового экономического развития демонстрирует правоту неоконсервативной идеи важности «мировой державы» в современных новейших реалиях на примере системного и неизменного успеха государств, придерживающихся данной системы политико-экономических ценностей, и пример США как мирового лидера – в особенности. И в данном контексте глобализационные процессы определяют характер мирового порядка и представляют собой движущие силы и факторы его дальнейшего развития и возможной трансформации – в условиях, когда меняется сам характер глобализации. «Что бы там ни говорилось, экономическая глобализация – огромная сила. Она, помимо прочего, еще и чрезвычайно выгодна. Как ни печально, дебаты в институтах, которые наблюдают за состоянием мировой экономики, и протесты вне их стен

свидетельствуют о всеобщей неспособности оценить, как много хорошего может принести капитализм в глобальном масштабе и богатым, и бедным странам. Богатейшую страну мира, Америку, открытая торговля делает еще богаче, несмотря на критику в адрес NAFTA. Вместо ведущей к деиндустриализации утечки капитала в страны с низким уровнем заработной платы, 80% иностранных прямых инвестиций со стороны американских производственных фирм в 1998 году попало в другие страны с высоким уровнем заработной платы, такие как Великобритания, Канада, Нидерланды, Германия и Сингапур. Да и сами США в течение последнего десятилетия были крупнейшим в мире объектом иностранных инвестиций» [1, с. 493].

При всей неоднозначности характера влияния глобализации на экономику и политику государств и приоритетности ее преимуществ внутреннего развития для лидеров мирового развития, ее «избирательности» в предоставлении прибылей в использовании возможностей мирового разделения труда потенциальные экономические ресурсы ее развития М. Тэтчер считает всеобщим достижением. «Торговля в равной мере выгодна и богатым, и бедным, поскольку лишь специализация на том, что мы умеем делать лучше всего, давая возможность другим странам сосредоточиться на том, что они делают лучше, позволяет максимально повысить производительность. А чем выше наша производительность, тем богаче мы живем. Страны третьего мира могут получить прямую выгоду от глобализации тремя путями. Во-первых, снизив свои тарифы, они могут расширить номенклатуру товаров и услуг, доступных потребителями, и таким образом, подтолкнуть цены к снижению – и то, и другое способствует повышению уровня жизни. Во-вторых, если снижение внутренних тарифов будет сопровождаться их понижением в глобальном масштабе, более бедные страны получают доступ к другим рынкам, более богатых стран. И, в-третьих, более низкие цены на внутреннем потребительском рынке в сочетании с притоком инвестиций и новых технологий дадут мощный толчок к развитию местного бизнеса. Исследования подтверждают, что развивающиеся страны с открытой экономикой демонстрируют значительно более высокие достижения, чем страны с закрытой экономикой» [1, с. 493–494]. Таким образом, исходная элитаристская направленность консервативной концепции не позволяет М. Тэтчер исключить из общего анализа аспект оценки роли и преимуществ глобализации как тенденции в развитии различных регионов мира и, тем самым, фокусирует теоретическое осмысление на продуктивности данной тенденции и ее значении для различных стран и групп стран с точки зрения уровня их развития. Речь идет, главным образом, о значении их действительных и возможных преимуществ для развития действительных и возможных преимуществ мирового хозяйства и, в конечном счете, на степени и факторах стабильности мирового порядка. Глобализация, таким образом, определяет факторы развития группы наиболее успешных государств в виде некоей неизбежной «элиты мира», формирование которой, в свою очередь, конструирует содержание мирового порядка, а возможно, способно определять и форму. Правда, если речь о Европе, то М. Тэтчер категорична и почти резка, и в имперском контексте тоже. «Так можно ли считать рождение новой Европы процессом создания империи? Есть и еще более близкая параллель –

высокомерие элиты и сосредоточенность на себе, которые характерны для наднационального правящего класса. И все же совершенно ясно, что Европа не является империей в традиционном смысле. Это не держава, обладающая военной мощью, всеобъемлющим технологическим превосходством или безграничными ресурсами, хотя, надо сказать, она хотела бы приобрести и то, и другое, и третье» [1, с. 354].

При этом М. Тэтчер отвергает идею о, так скажем, заведомой территориальной обусловленности проекта наибольшего экономико-политического успеха [1, с. 352–362]. Например, говоря о Европе, наиболее развитом регионе современного мира, она отмечает, что «Европа в любом ином смысле кроме географического – совершенно искусственное построение» [1, с. 359]. И, по мнению М. Тэтчер, политическая консолидация территорий в значительно большей степени обусловлена военными соображениями, нежели даже экономическими [1, с. 359–362], и даже в немалой степени пагубна с точки зрения бюрократической составляющей политического управления [1, с. 355] и иллюзорна [1, с. 356]. «По сути, приоритет Европейского союза совершенно ясен: создать правительство, а остальное приложится [1, с. 355]... В абсолютную бюрократию Европу превращает то, что она замкнута исключительно на себя [1, с. 355]... Глубоким заблуждением является мысль о том, что проекты, которые противоречат здравому смыслу, не могут осуществляться всерьез. Создание нового европейского сверхгосударства именно такой проект. Наступил момент, когда мир должен наконец взглянуть на него открытыми глазами; если это возможно, остановить его; если нет – ограничить его и справиться с ним» [1, с. 355–356]. Кроме того, указано на продуктивность консервативной программы борьбы с угрозами, пагубными либо деструктивными явлениями мировой политики – локализация и таким образом подавление. «Идея Европы, я подозреваю, в немалой степени использовалась для надувательства. Не просто национальные интересы, а огромное множество групповых и классовых интересов (особенно сейчас) успешно скрываются под мантией синтетического европейского идеализма. Почти религиозное благоговение перед словом «Европа» идет рука об руку с явно материалистическим крючкотворством и коррупцией... Нередко говорят, что история европейского проекта восходит к замыслу ряда политиков континентальной Европы, государственных деятелей и мыслителей создать такую наднациональную структуру, которая сделала бы войны в Европе невозможными» [1, с. 356]. При этом М. Тэтчер не обходит вниманием, что проекты единой Европы принадлежали и претенденту на европейское доминирование Австрии Габсбургов и завоевателям – Наполеону Бонапарту и Адольфу Гитлеру [1, с. 357–358]. М. Тэтчер отмечает, что с точки зрения системности, единства и политической обоснованности наднациональное географическое объединение Европы как минимум нецелесообразно. «...За столь безграничной трансформируемостью этой чудесной концепции Европы на деле кроется ничто иное как пустота... Если Европа чем-то и способна очаровать нас, так это своими контрастами и противоречиями, а не связанностью и единством. Трудно представить себе что-то менее подходящего для создания успешного политического блока, чем эта предельно неоднородная смесь. Я подозреваю, что в действительности

даже самые фанатичные евроэнтузиасты в глубине души понимают это... Именно поэтому они и пытаются гармонизировать и регулировать ее, а в конечном итоге превратить в нечто совершенно иное, лишенное корней и формы, но зато соответствующее их утопическим планам» [1, с. 359–360].

Значение консервативной теории для развития мирового политического процесса, формирования теоретических основ укрепления мирового порядка и мировой политической мысли вообще подчеркивается М. Тэтчер неизменно. Ею отмечен ни много ни мало решающий вклад именно консерваторов ведущих стран мира – Р. Рейгана и ее самой – в открытие мировых экономик. Парадокс кажущийся, поскольку именно консервативная теория всемерно выявляет значение экономической составляющей в формировании элит (политической наследственной, экономической финансово-промышленной, культурной и пр.) и подчеркивает значение свободного рынка и, как его следствие, развитой экономики для сохранения традиционного политического порядка независимо от общественно-политических условий. «Хотя быстрое действие современных коммуникаций – прежде всего средств передачи информации – имело очень большое значение, невозможно переоценить вклад в создание основ глобальной экономики консерваторов 80-ых годов. Консервативная революция, которая была инициирована Рональдом Рейганом в Америке, поддержана мною в Великобритании и другими политиками разных убеждений по всему свету, открыла национальные экономические системы для международной конкуренции. Дерегулирование, снижение налогов и приватизация в нашей национальной экономике сопровождалось на международном уровне отменой валютного контроля и снижением тарифов. Триумфальному шествию таких западных ценностей как свобода выбора и свобода личности, помогала информационная революция, которая лишила тоталитарные государства возможности промывать своим подданным мозги в отношении мировых религий» [1, с. 492]. Содержание консервативной революции, таким образом, состоит в открытии национальной экономической системы международной конкуренции посредством ее дерегулирования, снижения в ней налогов и приватизации, что опирается на отмену валютного контроля и снижение тарифов на международном уровне, и, вероятно, ставит перед собой последнее как цель. При этом условием осуществления преобразований подобного образца является предшествующая иная революция – информационная, – поскольку ее результатом является исчезновение возможности у тоталитарных государств влиять на своих подданных столь разрушительно, что может измениться степень поддержки мировых религий. В этой части рассуждений консерватизм вновь становится собой, утверждая ценность религии, и становится понятна поддержка свободы выбора и свободы личности – в их статусе западных ценностей, способствующих информационной революции как предпосылки революции консервативной. Идеологически формулировка состава и содержания этого комплекса ценностей выглядит практически безупречной с точки зрения формирования перспективы развития мирового политического процесса и системы ее идеологических ориентиров и приоритетов.

Резюмируя значение глобализации, М. Тэтчер отмечает, что «несмотря на

неизбежные потрясения... мы должны: прославлять победу глобального капитализма, основанного на свободном предпринимательстве; сделать так, чтобы его выгоды в результате открытой торговли стали доступными для всех государств на земле» [1, с. 497]. Консерватизм, таким образом, в творчестве М. Тэтчер предстает как одно из наиболее перспективных социально-политических течений современного мира, способного объяснить самые сложные его феномены и противоречия, выявить наиболее значимые тенденции и процессы развития политической действительности, предложить действительно перспективные и конструктивные политические модели и идеалы и предвосхитить сложнейшие и порой неуловимые изначально изменения политической жизни.

Литература:

1. *Маргарет Тэтчер*. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. – М. : Альпина Паблицер, 2003. – 504 с.